

Тюрин Алексей Олегович

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОЖАН НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СНАБЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

На основе писем и текстов публичных выступлений, хранящихся в архивах, анализируются оценки причин кризиса снабжения, предложения по его преодолению и отношение горожан в повседневной жизни к мероприятиям власти. Рассматриваются формы политического поведения городского населения в условиях кризиса снабжения продовольствием в 1936-1940 годах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 160-164. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 177-185.
6. Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 464 с.
7. Клецина И. С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 249-255.
8. Климова В. В. Гендерное просвещение в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. 2009. № 3 (4). URL: www.grani.vspu.ru
9. Кон И. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. 432 с.
10. Попова Л. В. Психологические исследования и гендерный подход // Women Gender Culture. М., 1999.
11. Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества: материалы международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют общество» (4–5 апреля 2005 г., г. Москва) / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М.: РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. С. 125-134.
12. Сентова М. Социально-культурные значения пола: проблемы теоретизации // Пол женщины: сборник статей по гендерным исследованиям. Алма-Ата, 2000. С. 33-41.
13. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-23.
14. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы: сб. научных статей / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Петто. Минск, 2002.
15. Эльдарин А. А. «Пол» и «Гендер»: различные взгляды на одну проблему // Сборник докладов 56-й международной молодежной научно-технической конференции «Молодежь – Наука – Инновации» (26-27 ноября, г. Владивосток). Владивосток, 2008. Кн. 2.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ESSENCE OF GENDER

Yuliya Sergeevna Tukacheva
Department of Philosophy
Surgut State University
nicastar@mail.ru

The author reveals the content of the notion “gender” and pays special attention to the philosophical essence and methodological potential of gender approach.

Key words and phrases: gender; gender approach; biological determinism or essentialism; social constructivism.

УДК 94(47).084.6

На основе писем и текстов публичных выступлений, хранящихся в архивах, анализируются оценки причин кризиса снабжения, предложения по его преодолению и отношение горожан в повседневной жизни к мероприятиям власти. Рассматриваются формы политического поведения городского населения в условиях кризиса снабжения продовольствием в 1936-1940 годах.

Ключевые слова и фразы: повседневность; горожане; снабжение населения; власть; советская провинция; Нижневолжский регион.

Алексей Олегович Тюрин, к.и.н., доцент
Кафедра истории России
Астраханский государственный университет
tualol1977@yahoo.com

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОЖАН НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯ КРИЗИСА СНАБЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ®

Многие исследователи в своих работах рассматривали и анализировали голод, разразившийся в Советском Союзе в 1931-1934 годах, его причины и последствия. Появляется все больше архивного материала, посвященного этой трагедии, издаются статьи и монографии, в которых исследуются особенности проявления кризиса снабжения продовольствием в различных областях страны.

Централизованное распределение продуктов питания среди городского населения несколько смягчило последствия голода, хотя нормы не соблюдались, а часто положенное продовольствие вообще не выдавалось. Дешевый черный хлеб был единственным продуктом, который относительно стабильно выдавался городскому населению.

При этом вся система централизованного снабжения была не выгодна самому государству. Е. А. Осокина считает, что «урожайный 1934 год определил не решение об отмене карточек на хлеб, а только время и момент отмены, так как Политбюро начало говорить о необходимости отмены карточной системы почти сразу после ее введения» [10, с. 175-176].

На протяжении второй половины 1930-х годов официальные средства массовой информации в статьях и отчетах всячески подчеркивали рост материального уровня населения, представители власти на многочисленных митингах рапортовали о достижениях в социальной сфере. Однако, несмотря на отмену карточной системы, ситуация в области снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости не улучшилась.

Свидетельство этому многочисленные письма и выступление горожан на общих собраниях. Гражданка Германии, проживающая в Астрахани, в 1936 году, в своих письмах, адресованных в «Центральную немецкую газету» (ДЦЦ), следующим образом описала свое материальное положение: «Наши дети редко наедаются досыта, а мой муж – кожа и кости... Я не могу равнодушно смотреть, как они (дети) голодают, и ходит обтрепанный мой муж... Но ведь мы не в стране капитала, мы здесь в своем пролетарском Отечестве... Я хочу уехать из Астрахани, я переносу здесь очень много горя... Я предпочитаю умереть на виселице, чем видеть, как мои дети голодают и ходят в обтрепанной одежде» [3, д. 283, л. 18-21].

Некоторые трудящиеся обсуждали сложившуюся ситуацию на собраниях. В Астрахани на заводе им. Сталина в 1937 году во время общего собрания рабочий говорил с места: «В Куйбышеве уже хлеба нет, и у нас скоро не будет!», а в конце вступления исполнил частушку: «У нас хлеба нет, скоро будет НЭП!» [Там же, д. 171, л. 62]. В 1938 году другой рабочий на общем собрании сказал: «Дайте рыбки рабочим, а то падают у станка!» Впоследствии его исключили из членов ВКП(б) [8, д. 4, л. 57].

В общем, ситуацию в области снабжения населения во второй половине 1930-х годов объективно охарактеризовали жители Сердобска в коллективном письме, которое они отправили в 1937 году в саратовскую газету «Коммунист». В письме говорилось следующее: «Мы, рабочие и служащие, за короткое время стали поразительно удивлены, что наша страна зерновую проблему разрешила еще в 1933 году, что наша страна ликвидирует все классы, ведет борьбу со всем, что мешает нам жить весело и счастливо. Но видно, что наши органы не взялись еще за уничтожение голодовки. В Сердобске и ряде других городов жители сидят без хлеба и других продуктов. Черт знает, кто виноват? Люди или бюрократы, троцкисты, зиновьевцы и другие. Да, мы думаем, что они. Отсюда мы, покупатели Сердобска, стоящие по 6-7 суток в очередях, просим редакцию сообщить причины голода» [1, д. 923, л. 40].

Таким образом, с отменой карточной системы ситуация в сфере торговли продолжала оставаться кризисной. В этой связи нашим исследовательским интересом, во-первых, будет являться анализ предложений горожан по устранению кризиса снабжения, которые изложены в письмах, направленных в средства массовой информации или же органы власти. По мнению А. Я. Лившина: «...дискурс писем во власть отражает разлитые в массовом сознании эмоции, составляющие “психологический климат” общества» [9, с. 16].

Во-вторых, рассмотрим формы политического поведения городского населения и его отношение к деятельности власти. В общем, можно выделить три формы политического поведения: а) политическое отчуждение – сосредоточение усилий человека на решении проблем личной жизни при их противопоставлении политической; часто может быть связана с излишней бюрократизацией общества; б) политическая пассивность – когда субъект не реализует свои собственные интересы, а находится под влиянием другой социальной группы либо принимает безучастное отношение к политической жизни, старается уклониться от политического участия; в) политическая активность – стремление и возможность воздействовать на политическую власть или непосредственно использовать ее, реализуя свои интересы.

В реальности трудности в снабжении городского населения продуктами были связаны с нестабильным урожаем и увеличением расходов на оборону во второй половине 1930-х годов, а как следствие, возникало периодическое сокращение поставок из централизованных фондов. Так, в порядке информации секретарю Саратовского обкома ВКП(б) в докладной записке, направленной из облвнторга, говорилось следующее: «а) В ближайшие дни нужно ожидать перебои с керосином. В конце июня правительство неожиданно сократило нам фонд, перекачав керосин на уборочную; б) с 12 августа начнутся перебои с сахаром. До этого квартала правительство вело практику к принуждению торговли сахаром. Теперь оказалось, что сахара в стране не так уж много. Из центра идет сообщение, что весь фонд уже отпущен. Кроме того, по распоряжению Наркомпищепрома из Саратова вывозят сахар в Сталинград, так как там уже перебои» [1, д. 923, л. 188].

В целом, из вышесказанного следует, что основной формой политической активности горожан было написание писем-жалоб с требованием разъяснить положение в области снабжения продовольствием. Анализируя эти письма, можно выяснить причины и отношение горожан к сложившейся обстановке в сфере торговли, их предложения по разрешению кризисной ситуации. Житель города Балашов считал, что затруднения в области снабжения населения продовольствием связано со следующими фактами: «Восстановлена запрещенная правительством карточная система на хлеб. Почти каждая организация имеет свой ларек, и продает хлеб только своим сотрудникам (завод им. Дзержинского и т.д.). Другой части населения приходится жить без хлеба. Особенно в тяжелом положении находятся учащиеся и педагоги. У некоторых ларьков образуются очереди до 600 человек. Люди стоят в очередях целыми сутками» [Там же, л. 248].

«Инкогнито» из Саратова в создании очередей винил колхозников: «В создании очередей крепко помогают колхозники. В целях изжития очередей необходимо запретить продажу хлеба колхозникам. Сделать это просто –

в очереди милиция должна проверять паспорта. Если паспорт прописан не в Саратове, то гнать из очереди. Наконец, есть и такая сволочь, которая сушит из хлеба сухари в запас. Эту сволочь надо сажать» [3, д. 121, л. 17].

Кроме организации закрытых распределителей на предприятиях, особо «запасливых» граждан и сельских жителей основную вину горожане возлагали на «врагов» и «вредителей», работающих в торговых организациях. Житель Балашова в письме, отправленном в газету «Коммунист», конкретно называл виновников продовольственного кризиса: «В Балашове невозможно купить хлеб, очереди доходят до 500 человек. Это все ведет к злоупотреблениям. Например, продавец С... ворует хлеб и меняет его на рыбу. Об этом знают работники райвнуторга, но так как инспектора сами занимаются самоснабжением, то С... остается безнаказанным» [1, д. 923, л. 43].

Житель Саратова в своем письме в редакцию газеты «Коммунист» не только дал конкретную характеристику ситуации в торговле, но и предлагал свое решение проблемы: «В связи с той контрреволюцией, которая творится нашими торгующими организациями в снабжении наших рабочих хлебом, что вам хорошо известно, я обращаю ваше внимание на другие факты. 1) Под «Асторией» каждое утро в одном и другом направлении создаются очереди. Творится там жуткое дело, и творцы этого творят явную контрреволюцию. 2) По городу идет второй день «школьный базар». Что это такое? Это тысячные очереди детишек и взрослых около магазинов. Детишки с четырех утра занимают очередь, а магазин открывается в 10 часов. В очередях творится крик, писк и драки. Для чего это все? Лишь только для того, чтобы в очередях мяли друг друга, ругали Советскую власть, пускали злые слухи. Все это я считаю не головотяпством, а злостным вредительством. Я всех организаторов этого дела без суда бы расстрелял» [Там же, л. 239].

Кризис в сфере торговли был темой обсуждения и в частной переписке. Проходящий срочную службу на Дальнем Востоке в 1938 году солдат из Астрахани сложившуюся ситуацию в области снабжения также считал последствием действий «врагов»: «Из полученных последних писем, мне писали, что у вас там нет ни мыла, ни сахара, ни керосина, ни даже спичек. Меня это очень поражает. Я думаю, что после этого нетерпимого случая, не будет ли открыта новая «астраханщина», других мыслей и предположений быть не может, ибо это будет смешно и глупо думать о том, что у нас спичек не стало. Безусловно, здесь играет рука самого врага, борющегося против нашей счастливой и цветущей страны человечества. Да, Петр Иванович, враги есть везде, ведите с ними настоящую большевистскую борьбу» [6, д. 155, л. 16].

На общих собраниях многие трудящиеся требовали провести расследование. Зимой 1939 года в Астрахани на общем собрании завода им. К. Маркса докладчик констатировал, что «...на заводах сознательно создают недостаток хлеба, мыла и сахара с той целью, чтобы вызвать недовольство среди рабочих. Как факт, сегодня в обед рабочие в магазине не сумели купить хлеб. Нам нужно повысить революционную бдительность и с поличным ловить провокаторов, которые стараются подорвать доверие к Советской власти». Рабочий этого завода призывал: «Задача парторганизации и профорганизации распутать нитку и расследовать, почему не было хлеба в обеденный перерыв?» [7, д. 10, л. 14].

Таким образом, многочисленные письма горожан свидетельствовали, что они связывали кризис в системе снабжения с «вредительством» и искренне требовали расследовать и наказывать виновных. Ш. Фицпатрик также считает, что «на витке острого дефицита, зимой 1939-1940-х гг., обвинения посыпались уже от общественности, а не от правительства, озабоченные граждане стали писать политическим лидерам, требуя найти и наказать “вредителей”» [11, с. 58].

С другой стороны, горожане собственными силами пытались разрешить ситуацию. Один из выходов в условиях создавшегося кризиса население видело в введении нового распределения продовольствия. Житель Саратова предлагал следующее: «В данном случае, может быть принята только одна мера – это ввести на продукты и хлеб карточки, чтобы все жители Саратова могли поровну получать свою долю» [2, д. 121, л. 10].

Весной 1940 года в Астрахани на общем собрании предприятия рабочий констатировал: «На АстрГРЭС хлеб выдают рабочим по 2 кг в руки через день. Многие рабочие стали переходить на рыбные предприятия, так как там имеются закрытые распределители. На Консервном заводе ввели заборные книжки и по ним выдают по 2 кг хлеба в день сотрудникам предприятия» [4, д. 59, л. 5]. Таким образом, несмотря на официальный запрет, распределение продовольствия на предприятиях существовало, а в общих очередях вводилось плавающее нормирование.

Стоит отметить, что кроме государственного сектора существовала рыночная торговля. Однако дефицит продовольствия в государственной торговле порождал рост цен на рынках. Но, несмотря на определенную дороговизну товара, сектор свободной торговли оставался альтернативой государственной. Поэтому уровень рыночных цен очень волновал горожан, которые продолжали писать жалобы в различные органы власти.

В 1939 году в Саратове домохозяйки отправили в городской Совет письмо, в котором критиковали работу депутатов: «Товарищи депутаты! Когда же, наконец, ВЫ, сидящие, наши избранники, обратите внимание на безобразное положение на базарах города, на все увеличивающуюся дороговизну продуктов: молоко, картошку и т.д. Кто же, как не вы, товарищи депутаты, остановите разнуздавшихся спекулянтов? Все это рождает не хорошие слухи, и кругом топчутся всякие люди. Все это идет во вред Советской власти» [2, д. 121, л. 4].

В связи с низким уровнем материальной обеспеченности и перманентным дефицитом товаров в государственном секторе, многие горожане были вынуждены продавать свои личные вещи, а на вырученные средства закупать продовольствие по свободным ценам. В одном из писем гражданка Германии жалуется, что «когда мы прибыли в Астрахань, у нас было много вещей и достаточный запас обуви. Но, живя здесь, мы вынуждены были систематически распродавать свои вещи...» [3, д. 283, л. 18].

Освещение ситуации в сфере торговли в официальных средствах массовой информации подвергалось критике со стороны горожан. Саратовец в одном из писем в редакцию газеты «Коммунист» возмущался: «Вообще трудящиеся недоумевают, почему обходят молчанием такой важный вопрос, как продовольственный. В городе голодовка, а газеты трубят о зажиточной жизни. Это похоже на издевательство!» [2, д. 121, л. 17].

Гражданка Германии в своем письме в редакцию газеты «ДЦЦ» спрашивала: «Дорогая “ДЦЦ”, ты так много пишешь о зажиточности и радостной жизни. Я хочу попросить тебя дать мне совет, что нужно сделать для того, чтобы так же иметь такую радостную жизнь?.. Я писала во многие инстанции, в профсоюз, но никто не ответил» [3, д. 283, л. 20].

Таким образом, большинство горожан, сравнивая реальное положение дел в области снабжения населения продовольствием с освещением этой проблемы в прессе, были крайне возмущены лицемерием средств массовой информации. В этой связи многие трудящиеся в своих письмах в органы власти пытались описать реальные настроения городского населения.

В Саратове в 1938 году рабочий в своем письме, адресованном депутатам городского Совета, следующим образом описывал свои ощущения и настроения горожан, стоящих в очереди за продуктами, по отношению к местной власти: «Стоя в очереди за булками, один товарищ, выражаясь, покрыл трехэтажным матом весь состав нового созыва депутатов. Я, конечно, постарался возразить, но к нему примкнули другие, мне даже показалась, что эта толпа в тысячу человек, готова выступить против власти. Я подумал и согласился с ними. Ведь и на работе можно встретить такие же разговоры. В газетах и по радио говорят о недостатках заграницы, но когда слушаешь, то невольно возмущаешься – у нас все в десять раз хуже, чем за границей с продуктами питания» [2, д. 121, л. 2-3].

В другом письме, адресованном депутатам городского Совета, жены красноармейцев и рабочих Саратова, также подтвердили представленные выше настроения горожан и описали свое отношение к власти: «Все пишут и говорят, что у нас социализм, мы его получили большим трудом. Наших мужей, отцов и братьев много погибло, и добились, что хлеба нет, ничего нет. Вот и получили социализм. Послушайте, что говорят в очередях, все люди возбуждены, они говорят, что все нас обманывают, и мы сами это видим» [Там же, л. 6].

В общем, многочисленные очереди в магазинах и постоянный дефицит товаров были повседневными явлениями в городах страны во второй половине 1930-х годов. Подобное положение в области снабжения вызывало у значительной части населения отрицательное отношение к власти, в первую очередь, местной. Власть при помощи официальной пропаганды или замалчивало проблему, или пыталась показать, что сложившаяся ситуация в торговле являлась результатом деятельности многочисленных «врагов» и «вредителей».

Часть горожан, недовольная сложившейся ситуацией, прибегала к активным формам политического поведения. Политическая активность населения выражалась в открытых выступлениях с разоблачениями на собраниях и митингах, написаниями жалоб и доносов в местные и центральные органы власти и прессу, где указывались недостатки в сфере торговли и призывы к расследованию и наказанию виновных, вплоть до расстрела, что было в духе времени. Однако «высказать вслух» свое недовольство по отношению к власти, как к источнику кризиса, трудящиеся могли только в общих очередях, так как открытая критика на собраниях часто была наказуема.

В этой связи многие городские жители прибегали, параллельно с активными формами политического поведения, к формам политической отчужденности. Многие горожане понимали, что не могут реально воздействовать на органы власти, старались решать сами свои повседневные проблемы. Эти формы чаще всего выражались в поиске горожанами предприятий и организаций, где были созданы приемлемые условия труда, например, организованы дополнительно закрытые распределители продуктов, а также в запасе продовольствия впрок (сушка сухарей, излишняя покупка круп и т.д.) либо население продолжало стоять в многочасовых очередях.

Данная форма политической отчужденности особенно проявилась в начале второй мировой войны. Во многих политдонесениях 1939-1940 гг. неоднократно констатировалось, что в период проведения митингов в Астрахани было выявлено, что ряд граждан занимается скупкой и перепродажей продуктов питания и других товаров. Так, гражданин Ж... смог скупить в больших количествах мануфактуры, Гражданин М... закупил на базаре 48 кг муки, гражданка М... скупил 35 кг рыбы частиковых пород, есть и другие примеры». В политдонесениях делался вывод, что такие граждане способствуют развитию паники среди населения [5, д. 4, л. 85]. Аналогичная ситуация наблюдалась в других городах страны [10, с. 207].

Таким образом, предложения горожан, касающиеся разрешения кризисной ситуации в области снабжения, в целом соответствовали представлениям, пропагандируемым государственной властью и историческим условиям 1930-х годов. Однако бесконечная борьба с «врагами» и «вредителями» часто была малоэффективна. Местные власти полностью зависели от централизованного снабжения, норму которого могли уменьшить в зависимости от политической и экономической конъюнктуры, а дефицит товаров являлся источником многочисленных злоупотреблений в торговом секторе.

Не наблюдая каких-либо значительных улучшений в области снабжения, многие горожане занимались самоснабжением, которое нередко было связано с неконвенциональными формами поведения (спекуляцией) [11, с. 76-77], то есть переходили от форм активного политического воздействия на власть к формам политической отчужденности, которая приводила, в свою очередь, к политической пассивности.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594: Фонд Саратовского областного комитета КПСС. Оп. 1.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 461: Фонд исполнительного комитета Саратовского городского Совета трудящихся. Оп. 4.
3. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 9: Фонд Астраханского городского комитета КПСС. Оп. 1.
4. ГАСД АО. Ф. 17: Фонд Микояновского районного комитета ВКП(б) г. Астрахани. Оп. 1.
5. ГАСД АО. Ф. 796: Фонд политического отдела пароходства «Волготанкер». Оп. 1.
6. ГАСД АО. Ф. 2086: Личный фонд Усачева П. И. Оп. 1.
7. ГАСД АО. Ф. 2949: Фонд первичной партийной организации Астраханского производственного объединения. Оп. 1.
8. ГАСД АО. Ф. 3379: Фонд первичной партийной организации судостроительной верфи им. Кирова. Оп. 1.
9. Лившин А. Я. Настроение и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М., 2010.
10. Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1999.
11. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

LOW VOLGA REGION TOWNSPEOPLE'S POLITICAL BEHAVIOR FORMS UNDER THE CONDITIONS OF PROVISION CRISIS IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

Aleksei Olegovich Tyurin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Astrakhan' State University
tualol1977@yahoo.com

The author analyzes the estimations of provision crisis reasons, the suggestions on its overcoming and townspeople's attitude to authorities' actions in everyday life on the basis of the letters and public addresses texts from the archives and considers townspeople's political behavior forms under the conditions of provision crisis in 1936-1940.

Key words and phrases: everyday life; townspeople; population provision; authorities; soviet province; Low Volga region.

УДК 347.99(470.46)«1945/...»

В статье раскрываются основные проблемы, стоявшие перед судебными органами Нижнего Поволжья в послевоенный период. В первую очередь, это противоречия во взаимоотношениях судов с другими звеньями правоохранительной системы в условиях ужесточения карательной политики советского государства. Статья содержит архивные материалы из ранее закрытых фондов.

Ключевые слова и фразы: карательная политика; «мягкие» приговоры; «либерализм» по отношению к преступникам.

Сергей Альбертович Федин, к.и.н.

Кафедра общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Международный юридический институт (филиал) в г. Астрахани
fedserg62@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ С ДРУГИМИ ЗВЕНЬЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО СССР (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)[©]

Широкое реформирование правоохранительной системы, происходящее в настоящее время, объективно способствует повышению интереса к проблеме применения властью силовых мер с целью быстрой и эффективной борьбы с преступностью. Для успешного осуществления этой задачи необходимо учитывать исторический опыт, поэтому изучение истории деятельности местных органов правопорядка, в частности судебных органов, является актуальным и в научном, и в практическом плане. Наиболее важным в изучении судебной системы является исследование не столько «громких» процессов, сколько опыта каждодневного решения острых проблем, особенно в переломные этапы отечественной истории.

В последнее десятилетие вырос интерес исследователей к деятельности судебной системы СССР в 1930-1950-е годы [4; 13]. Этой проблеме посвящена и серия статей А. С. Смыкалина [15; 16; 17]. История судов, особенно региональных, привлекает к себе большое внимание историков и юристов. Среди публикаций можно отметить работу А. П. Абрамовского по истории Челябинского областного суда [1], книгу В. М. Вдовенкова о